

Глава 4. Теперь он покорен

В студии звукозаписи воцарилась тяжелая тишина.

Сяо Се, забившись в угол, боялся даже вздохнуть. Он во все глаза смотрел на широкую спину молодого метиса и мысленно заклинал его не сдаваться. Чэ Жуйхэ тоже не сводил взгляда с плеч оппонента: в его скепсисе прорезалось любопытство.

Цзянь Линь, слегка нахмурившись, слушал запись. Его янтарный взгляд ярко блестел в приглушенном свете ламп. Спустя некоторое время он нажал на паузу, снял наушники и одарил присутствующих своей обезоруживающей улыбкой:

— Ну что же, давайте я попробую.

— Господин Цзянь, вы уверены? — Лян Янь с сомнением посмотрел на монитор, где отображалась дорожка с голосом Кики. — Может, все-таки подыщем девушку-Си-Ви? Вы ведь мужчина, как-никак...

— Господин Лян, — мягко перебил его Цзянь Линь, — признаюсь честно: раньше мне часто приходилось подменять других на интернет-площадках. Я никогда не загонял свой голос в рамки. Для меня не существует преград: если я могу озвучить роль, если могу подстроиться или симитировать нужный тембр — я берусь за это. Даже если персонаж — женщина.

Он усмехнулся:

— Так что доверьтесь мне. В конце концов, я в первый же рабочий день должен доказать, что достоин этого места.

Чэ Жуйхэ почувствовал, что последняя фраза предназначалась именно ему.

Не успел он опомниться от обаятельной улыбки Цзянь Линя, как заметил на себе многозначительный взгляд Лян Яня. Тот словно говорил: «Посмотри, какой профессионализм».

Чэ Жуйхэ снова непроизвольно сжал кулаки и закатил глаза. «Ну и что с того, что он умеет имитировать женский голос? Великое достижение... Я тоже так могу».

— Сяо Се! — холодно бросил он.

— Да, Чэ-да, я здесь! — Ассистент поспешно выскочил из своего угла.

Чэ Жуйхэ небрежно вскинул подбородок:

— Передай господину Цзяню те две реплики Кики.

Он специально выделил обращение «господин Цзянь», подчеркивая свое раздражение.

Когда Сяо Се принес текст, Цзянь Линь с улыбкой поблагодарил его и сразу надел наушники.

Воздух в студии, казалось, застыл — можно было услышать стук сердец. Цзянь Линь сосредоточенно смотрел на экран, ловя ритм вступления, и под первые звуки музыки заговорил:

— Кто я? Я — легкий ветерок.

Как только он произнес эту фразу, присутствующие замерли, не веря своим ушам: из уст молодого человека зазвучал нежный, одухотворенный женский голос.

— Я вознамерилась уйти вслед за далекими горами, подняться против течения и устремиться к небесам, что принадлежат мне по праву. А кто ты? Ты — озерная гладь. Ты взираешь на небо, ожидая моего прикосновения, и вопрошаешь, когда я вернусь. Я отвечаю: если ты обернешься проливным дождем, я просочусь в землю вместе с тобой...

Время шло. Чэ Жуйхэ разжал кулаки. Он не знал, как реагировать на этого незваного гостя, который обрушился на его голову и чей талант он был вынужден признать.

Цзянь Линь справился блестяще. Он без труда воссоздал тембр Кики почти на восемьдесят процентов, а по интонациям и дыханию даже превзошел её. Чэ Жуйхэ, как звукорежиссер и директор, должен был признать: его квалификация полностью соответствовала стандартам «Студии Создания Мечты».

Тишину разорвали аплодисменты Лян Яня.

— Похоже, господин Цзянь — мастер на все руки! — воскликнул он, хлопая в ладоши. — Вы нас очень выручили. Сяо Се, немедленно сохрани эту запись. Озвучка для вступительного промо утверждена.

— Будет сделано!

— А теперь вот сценарий к «Его узнику в паху», — Лян Янь положил пачку листов перед Чэ Жуйхэ и Цзянь Линем. — Приступим к согласованию голосов? Пропустим формальные пробы — при вашем уровне это пустая трата времени. Можем прогнать небольшой отрывок, просто чтобы кое-кто перестал капризничать.

— Эй, шигэ, ты чего?! Мне же больно!

Цзянь Линь смотрел на Чэ Жуйхэ, которого Лян Янь силой усадил в кресло.

— Хорошо, — негромко отозвался метис.

Чэ Жуйхэ помассировал плечо, бросил на него недовольный взгляд и, выхватив сценарий, пролистал несколько страниц.

— Давай вот это, — буркнул он, указывая на короткий диалог.

Как только Лян Янь вышел, в студии воцарилась еще более глубокая тишина. Двое молодых людей остались наедине в теплом свете ламп.

Взгляд Цзянь Линя был спокойным и мягким, будто они знали друг друга вечность — никакой скованности, обычной при первой встрече. Чэ Жуйхэ, почувствовав дискомфорт под этим пристальным взглядом, вскинул голову:

— У меня что-то на лице?

— Нет.

— Тогда чего ты на меня вылупился? — Когда Лян Яня не было рядом, Чэ не считал нужным притворяться вежливым.

Цзянь Линь помедлил, а затем отвел глаза. В свете ламп его длинные ресницы отбрасывали глубокие тени.

— Мне просто любопытно, — тихо произнес он, — как директор Чэ умеет так мгновенно переключаться из реального состояния в эмоцию, необходимую Си-Ви.

Он слегка улыбнулся и снова посмотрел на Чэ Жуйхэ:

— Я искренне восхищаюсь таким талантом.

Чэ Жуйхэ на мгновение растерялся, не совсем понимая, к чему тот клонит:

— О чем ты?

— Ни о чем, — Цзянь Линь взял свои листы, возвращаясь к обычному тону. — Начнем.

«Странный он какой-то...» — подумал Чэ.

Этот сценарий требовал высокого мастерства: Си-Ви приходилось постоянно балансировать между мягкостью и жесткостью. Сюжет был свежим и оригинальным — именно поэтому Лян Янь выбрал его среди множества других.

События истории «Его узник в паху» разворачивались в вымышленном государстве Цзин. Это был рассказ о принце Бай Чжунье, рожденном в холодном дворце, и Му Няньчэне, сыне прославленного генерала.

С детства они были неразлучны, разделяя горести и радости. Но суровая реальность развела их: война с варварами на границе заставила их расстаться.

Юный Му Няньчэнь, единственный сын знаменитого полководца, был вынужден надеть доспехи и возглавить армию, чтобы защитить границы страны. Пять лет от него не было никаких вестей — ни живых, ни мертвых. Поговаривали, что самый одаренный молодой генерал страны погиб в пылу сражений. Однако война была выиграна, и варвары больше не смели посягать на земли Цзин.

За эти пять лет спокойной жизни Бай Чжунье превратился из трусливого и осторожного изгоя в коварного интригана. Раньше он сторонился дворцовых распрей и, сталкиваясь с предательством, мог только рыдать, прячась за красными колоннами и обнимая Му Няньчэня. В те моменты Няньчэнь гладил его по вздрагивающей спине и твердо обещал: «Клянусь небом, А-Е, когда я вырасту, я стану великим полководцем, заберу у отца командование, и тогда никто не посмеет тебя обидеть!»

Но теперь защитника не было рядом, и Бай Чжунье оставалось надеяться только на себя. Он хотел выжить и любой ценой заполучить титул наследного принца. Только взойдя на престол, он смог бы покарать степных дикарей и заставить их ответить за смерть друга.

Он шаг за шагом добивался расположения императора, пока наконец не стал официальным наследником. Но он и в страшном сне не мог представить, что спустя десять лет встретит того, кого считал погибшим, в момент краха своей страны...

— Наследный принц Цзин, давно не виделись.

В ярко освещенной студии голос Цзянь Линя прозвучал ледяным, пугающим тоном. Он поднял голову и посмотрел на Чэ Жуйхэ.

Сердце Чэ пропустило удар.

Повсюду полыхает огонь, слышны душераздирающие крики гибнущего народа. Брызги горячей крови — крови его отца-императора — запятали лицо Бай Чжунье. В белых одеждах, с разбитыми в кровь коленями, он обреченно стоит на коленях, онемев от ужаса и глядя на своего старого друга, окруженного вражескими войсками. Он не может поверить, что этот человек — его А-Чэнь, которого он оплакивал десять лет.

Ступая по телам павших, Му Няньчэнь приближается к нему. В его взгляде — жестокость и холод. Черты его лица стали резкими, неузнаваемыми. При каждом шаге доспехи Няньчэня зловеще позвякивают. Он опускается на одно колено, держа окровавленный клинок так, словно преподносит его Бай Чжунье в качестве трофея.

Цзянь Линь заговорил ледяным тоном:

— Полководец Му Няньчэнь приветствует Ваше Величество с восшествием на престол.

Холодный ветер треплет тонкие одежды принца, его волосы и бьет в глаза, которые за долгие годы разучились сиять. Чэ Жуйхэ почувствовал острую, почти физическую боль. Пусть противник не нанес ему ни единой раны, это чувство было мучительнее тысячи кинжалов в сердце.

Он медленно, словно во сне, протянул дрожащую руку и коснулся тяжелого лезвия, окропленного кровью его близких.

— А-Чэнь, — сорвавшимся голосом произнес он.

Глядя на строчки сценария, Чэ Жуйхэ забыл о реальности — он перенесся в тот мир, где под бледными небесами кровь заливают землю. Теперь он был не директором студии, а Бай Чжунье.

— Так вот какую... встречу ты обещал мне?

Император Цзин обезглавлен варварским королем. По всем законам наследный принц должен был стать обычным пленным, но в ту же ночь Му Няньчэнь прижал своего «узника» под себя, и его слова прозвучали острее клинка:

— А-Е, я вернулся.

<http://bllate.org/book/17503/1648678>